8. Relazione sulla conservazione e la valorizzazione del patrimonio culturale nel Mediterraneo [Electronic resource]. URL: http://cor.europa.eu/en/activities/arlem/Documents/report-on-cultural-heritage/IT.pdf (accessed: 20.10.2015).

*Рукопись поступила в редакцию 11 сентября 2015 г.*

УДК 323.1(560) + 329.3:28 + 327.88

**Э. А. Замов**

# ДВА ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

В статье проводится сравнительный анализ политических взглядов ведущих политических деятелей Турции — Фетхуллаха Гюлена и Реджепа Тайипа Эрдогана. Работа основывается на программных документах Партии справедливости и развития, книгах, статьях и интервью турецких лидеров. Рассматриваются исторические корни их взглядов, дается оценка планов реформ Партии справедливости и развития и движения «Хизмет».

К л ю ч е в ы е  с л о в а: Турция, ислам, Партия справедливости и развития, движение «Хизмет».

Распад СССР сделал процессы мировой политики более локальными, множественными и хаотичными. Нарастание неопределенности в мире продолжается, и вероятен выход на ведущие роли государств, долгое время переживавших системный кризис и отошедших на второй план. Турция относится к их числу.

Так называемая «арабская весна», будучи симптомом кризиса арабо-мусульманской цивилизации, парадоксальным образом стимулировала расширение географического ареала последней. В итоге страны, настроенные на ревизию внешнеполитической ситуации, оказались в положении, когда количество возможных альтернатив внешнеполитических решений увеличилось.

Нарастание конфликтов в арабском мире привело к росту зависимости стран НАТО от позиции Турции. Конфликтность внешнеполитического окружения Турции не создает для нее дискомфорта, поскольку в военном отношении это государство превосходит всех своих соседей, вместе взятых (если исключить из рассмотрения Иран), а экономический потенциал Турции стремится достичь доминантной позиции в регионе. На укрепление позиций Турции позитивно влияет ряд объективных факторов: экономический кризис в Греции и на Кипре, депопуляционные процессы в Болгарии, явная неудача широко задуманных реформ в Грузии, внутриполитическая неустойчивость в Армении, гражданская война в Ираке и Сирии. В таких условиях вероятно в будущем выстраивание сферы турецкого влияния, близкой по границам к Османской империи. В этих условиях особый интерес приобретает видение турецкими политиками путей будущего развития страны. Особое место среди них занимают Реджеп Тайип

© Замов Э. А., 2016

Эрдоган, лидер Партии справедливости и развития (ПСР), и Фетхуллах Гюлен, основатель движения «Хизмет», борьба между которыми представляет собой ось турецкого политического процесса.

Проблемы идеологического противостояния этих лидеров в отечественной историографии изучались недостаточно. Например, А. Корицкий в своей статье, посвященной избранию Абдуллы Гюля на пост президента республики, справедливо отмечает: «Главным образом усилия правительства будут направлены на соблюдение прав человека, экономический рост и подготовку новой конституции с целью сделать ее “гражданской”. По оценке обозревателей газеты “Джумхуриет”, правительство не поставило перед собой новых целей, оно детально не останавливалось на злободневных вопросах, связанных с ношением хиджаба (мусульманского платка) или возрождением религиозных школ “имам-хатиб”. Существует мнение, что, не выпячивая эти вопросы, правительство оставило за собой возможность заняться решением этих проблем в рамках повседневной работы, вне официальной программы» [4, *7*]. А. Корицкий дал убедительное объяснение причин победы А. Гюля, Р. Эрдогана и их партий на выборах. Но собственные оценки программных установок Партии справедливости и развития автор не дает.

Н. Г. Киреев в обстоятельной статье, посвященной современной истории «мягкого ислама» в Турции, также воздерживается от детального анализа программных установок Партии справедливости и развития и движения «Хизмет», указывая, что «Эрдогану есть у кого поучиться после 11 сентября, обращаясь к мягкой риторике. Как известно, именно эта особенность политического ислама присуща общине Фетхуллаха Гюлена, что дает возможность активистам общины прокламировать мирный характер своего движения, своей благотворительности» [3, *47*]. Н. Г. Киреев осторожно констатирует: «Будущее покажет, что останется в риторике и какая подлинная идеологическая цель будет преследоваться в действительности — останется ли ислам в светской Турции религией, верой либо будет использован для того, чтобы заменить светские законы на шариатское право во имя установления тоталитарного режима, который не будет иметь ничего общего ни с гражданским обществом, ни с демократией» [Там же, *54*].

Несколько большей определенностью отличаются выводы К. В. Вертяева, который разграничил сами понятия «ислам» и «исламизм»: «...парадоксальность ситуации в том, что одновременно исламизм противостоит исламу — исламу модернизирующемуся, т. е. адаптирующемуся к изменяющейся социально-политической реальности» [2, *87*]. К. В. Вертяев обоснованно представляет Партию справедливости и развития как партию модернизирующегося ислама. Столь же оптимистичны оценки Б. М. Поцхверия: «В борьбе против исламского экстремизма власти прибегали к запрещению деятельности исламских партий. В конце концов исламисты пришли к умеренности в своей политике» [6, *67*].

В целом отечественные исследователи не определились с решением вопроса о том, стоит ли рассматривать ПСР как партию затаившихся исламистов или как экстремистскую группировку. Так, А. Г. Баширова отмечает, что Абдулла Гюль — «безукоризненно прозападный реформатор и приверженец европейской ориентации» [1, *306*]. И она же констатирует, что «...исламский фактор и в политическом

развитии, и в социальном устройстве Турции не только продолжает оставаться важным, но и имеет тенденцию к усилению по всем направлениям» [1, *310*].

Мировоззрение Реджепа Тайипа Эрдогана в наиболее четкой форме изложено в программе руководимой им Партии справедливости и развития. Это программа консервативно-либеральной партии, в основном разделяющей европейские ценности. В то же время она включает рудименты средневековой турецкой политической мысли. Программа ПСР содержит религиозное заверение: «Все сложится для нас хорошо, с помощью Аллаха» [7]. Фетхуллах Гюлен, в свою очередь, требует от правителя сочетать волю народа с волей Аллаха. Тем самым Гюлен признает важнейшим божественное откровение, а не рационалистическое мышление, как идеологи ПСР.

Партия справедливости и развития требует «мобилизовать людские и материальные ресурсы, бывшие в неактивном состоянии в течение многих лет, и сделать Турцию страной, которая производит и растет» [Там же]. Ф. Гюлен, напротив, утверждает, что, несмотря на активное развитие науки и техники, в деятельности правительств решающую роль будет играть торговля, причем роль торговли будет усиливаться. Идеологи ПСР понимают мобилизацию не в качестве массовой принудительной акции, а скорее в смысле раскрытия всех способностей индивида: «Одним из главных принципов нашей партии является пословица “Если один человек не свободен, никто не свободен”. Наша партия считает одной из важнейших своих задач обеспечение демократизации, помещая человека в центр своей политики...» [Там же]. Партия справедливости и развития очень близка по своей идеологии к взглядам французских физиократов и Бентама с их проповедью делового эгоизма. Однако Партия справедливости и развития в отличие от европейских просветителей не только видит божество в качестве активного участника исторического процесса, но и дополняет индивидуалистический эгоизм национальным.

Национальный эгоизм Партии справедливости и развития вовсе не предполагает тотальные требования нации к индивиду (на чем настаивает Ф. Гюлен). Скорее, это нация должна предоставить индивиду возможности для самореализации. Говоря о турецкой нации, консервативные либералы из ПСР формально сохраняют верность наследию Ататюрка: «Наше общество не беспомощно. Бремя принятия решений лежит на самом народе. Как утверждал великий Ататюрк, залог спасения нации состоит в ее собственной решимости и целеустремленности» [Там же]. В то же время программа партии содержит осторожную, но многозначительную формулировку: «Наш народ имеет глубокие корни и богатые традиции государственного управления» [Там же]. Данная формула представляет собой корректную, но твердую попытку реабилитации исторического опыта Османской империи. В свете этого можно говорить о стремлении Партии справедливости и развития к возрождению имперских традиций. Однако реваншизм ПСР имеет скорее интровертный характер. Внешнеполитические ориентиры страны в программе ПСР определены весьма осторожно: «Турция имеет геостратегическое положение, которое может помочь ей играть влиятельную роль в регионе» [Там же]. Данный пассаж свидетельствует о неудовлетворенности турецкой политической элиты ролью Турции в мировой политике, но не о стремлении к восстановлению

Османской империи. В то же время Ф. Гюлен уже открыто говорит о «славной Османской империи» и не признает колониальный характер завоеваний Арабского халифата.

Идеи, провозглашенные Партией справедливости и развития в экономическом разделе программы, тесно связаны с общими тенденциями развития восточной политической мысли и знаменуют ориентацию ПСР на мелкого независимого производителя: «У нас есть концепция управления, которая облегчает, а не делает жизнь более трудной, скорее обнимает, нежели отталкивает, объединяет, но не разъединяет, защищает честных слабых от нечестных сильных» [7]. Эти слова почти дословно повторяют рассуждения Каутильи, автора древнеиндийского трактата «Артхашастра» об опасности жизни в «обществе, живущем по закону рыб», где аутсайдеры проигрывают более сильным. В то же время турецкие консервативные либералы отказались от широко распространенных в мире восточного политического мышления попыток поиска третьего пути между социализмом и капитализмом. Это связано не только с традициями кемалистского антисоциализма, но и со стремлением Партии справедливости и развития расширить свою социальную базу за счет сельских слоев населения (ориентация на одни и те же электоральные слои является одной из важнейших причин антагонизма между ПСР и сторонниками Ф. Гюлена). С этим связаны и явно популистские положения в программе Партии справедливости и развития, в частности, требование «совершенно исключить все хронические проблемы, с которыми сталкивается Турция» [Там же]. В то же время попытки ПСР сблизиться с традиционалистски настроенным населением турецкой деревни носят скорее характер прагматических уступок, а не последовательного принятия традиционных ценностей (верность которым партия осторожно декларирует).

Вслед за кемалистами современные турецкие консервативные либералы рассматривают правящую партию как активное начало, преобразующее пассивное общество, при этом предлагается в качестве первоочередного требования «распространить мышление, основанное на универсальных правах и свободах на всей территории» [Там же]. Ф. Гюлен тоже рассматривает современное турецкое общество как незрелое, однако нуждающееся не во внедрении европейского понимания прав и свобод человека, а в культивировании мусульманской морали. В то же время оппоненты констатируют утрату атмосферы доверия в обществе.

Показательно, что в понятие «нация» идеологи Партии справедливости и развития включают далеко не всех индивидов: «Идентифицируя себя с народом, наша партия обязательно восстановит чувство доверия, которое исчезло в обществе» [Там же]. Отождествление правящей партии с народом исключает диалог с оппозицией, которая тем самым автоматически квалифицируется как антинародная, и ставит знак равенства между народом и элитой. Можно говорить об искреннем стремлении Партии справедливости и развития преодолеть перманентный конфликт между властью и обществом, но это предполагается сделать прежде всего путем формирования общества, лояльного к власти.

В сфере экономики Партия справедливости и развития отходит от принципов Ататюрка: «Партия признает, что государство должно оставаться в принципе

за пределами всех видов экономической деятельности» [7]. В данном случае идейные установки ПСР отражают вполне оправданное общее недовольство бюрократизированностью и диспропорциями в развитии этатистской экономики. Но эта формула противоречит другому тезису программы: «Партия определяет функцию государства в экономике как регулирующую и контролирующую» [Там же]. Пытаясь отойти от кемалистского принципа этатизма, ПСР в то же время не отказывается от националистической идеи: «Партия будет создавать экономическую администрацию, чья эффективность, надежность и национально-этические ценности будут высокими» [Там же]. Формально выступая против популизма, ПСР в то же время стремится сбалансировать бюджет через увеличение доходов, а не через снижение расходов.

Партия справедливости и развития рассматривает в качестве своей приоритетной цели повышение народного благосостояния. Но в то же время программа партии прямо указывает: «Оплата труда должна быть уменьшена в целях роста производства и конкурентоспособности частного сектора» [Там же]. Данная формулировка позволяет сделать вывод о том, что турецкие консервативные либералы сознательно намерены идти на сужение внутреннего рынка с целью подготовки экспансии на внешние рынки. Подобная политика увеличит угрозу национальной экономике в случае глобального кризиса. Примечательно, что развитие оборонной промышленности рассматривается ПСР как приоритетное.

Недифференцированность программных установок ПСР проявляется еще и в том, что, отрицая в принципе кемалистский этатизм, партия предполагает — «кроме других мер — финансовую поддержку проектов, налоговые льготы и план, включающий уменьшение бюрократических препятствий в ведении бизнеса» [Там же]. Эта поддержка предназначена для мелких предпринимателей, которые, «внося важный вклад в создание производства, занятости и добавленной стоимости в нашей стране, являются становым хребтом нашей экономической и социальной структуры» [Там же].

Основной движущий мотив в формировании ценностных ориентаций Фетхуллаха Гюлена аналогичен мотивам поведения Р. Т. Эрдогана: это осознание глубокого морального кризиса турецкого общества и недовольство ролью турецкого государства в мировой политике. Идейно-теоретические основы взглядов двух оппонентов идентичны — это идеализм, основанный на суннитском исламе. Для Гюлена, так же как и для Эрдогана, тягчайшим злом для государства является деспотизм чиновников: «Уважение в сердце народа государство и правительство должны заслужить серьезностью, чистоплотностью и искренностью своего труда, а не деспотизмом чиновника. За всю историю человечества ни одна сила не могла долго устоять у власти благодаря засилью бюрократии и введению народа в заблуждение» [5].

В то же время Эрдоган и Гюлен придерживаются абсолютно различных взглядов на государственный строй будущей Турции. В отличие от сторонника президентской республики Эрдогана, Гюлен является сторонником теократии иранского типа: «С давних времен людьми в большинстве случаев управляли умные, образованные и сильные политики. А ими, в свою очередь, — праведны

они или нет — люди еще более умные и рассудительные. И мы правили миром именно тогда, когда нами правили такие умы и таланты» [5]. Эрдогана и Гюлена сближает стремление к реваншу.

Если Партия справедливости и развития формально заявила об отказе от использования религиозных принципов в политике, то Гюлен рассматривает религию в качестве главного оружия политической борьбы: «Нет второй такой силы, как религия, когда речь заходит об охране порядка и безопасности. Ибо религия является не только самым эффективным способом воздействия на совесть человека, но и наиболее важным элементом контроля над действиями и поступками людей. Поэтому те, кто правит страной, должны знать, что религиозная жизнь — это источник жизни самой нации, и постоянно поддерживать ее в совести общества» [Там же]. Если для кемалистов источником национальной жизни была национальная культура, то для прагматика Эрдогана таковой является экономика, а для Гюлена — религия.

Идеал Гюлена, как и Эрдогана, — общество с унифицированным сознанием: «Умение мыслить не как все и иметь свое мнение — свойство зрелых людей. Но никто не имеет права терпеть те мнения и взгляды, которые вносят раздоры в общество и разделяют его на отдельные идеологические лагеря. Ибо мириться с такими явлениями — значит закрывать глаза на гибель нации» [Там же]. По мнению Гюлена, «правительства должны думать не только о внесении порядка в рабочую жизнь, действия и поступки нации, но и о порядке в ее умах. И главным в этой сфере является единство мысли и чувства и единство в воспитании и образовании» [Там же]. Если Эрдоган выражает ценности мелкого городского предпринимателя, недовольного политикой этатизма, но заинтересованного в поддержке государства, то Гюлен предпочитает ментальность корпоративной сельской общины, имеющей абсолютную власть над своими членами. При этом Гюлен — убежденный консерватор: «За всю историю человечества нельзя привести и один случай, когда недовольным удавалось что-то создать, но случаям, когда они разрушали целые государства, — несть числа» [Там же]. Примечательно, что и Эрдоган, и Гюлен негативно относятся к проявлениям оппозиционности.

Если Эрдоган рассматривает развитие Турции в качестве догоняющего, то Гюлен придерживается другой позиции: «Людям все время морочат голову ничего не выражающими словами, вроде “прогресс”, “западничество”, “цивилизация”, “модернизация”, убаюкивают ложными обещаниями» [Там же]. Если Эрдоган выступает за привлечение в страну иностранного капитала, рассматривая его как источник ценного опыта, то Гюлен отвергает подобное сотрудничество: «Под видом иностранной помощи и поддержки осуществляется блокада страны, контролируются ее экспортные и импортные операции, ограничиваются и затрудняются процессы возрождения и развития» [Там же].

И Эрдоган, и Гюлен не приемлют идею парламентской демократии. Их взгляды на власть созвучны со взглядами Муссолини, рассматривавшего в качестве единственного источника власти лидера, пользующегося народным доверием. Гюлен отмечает: «Власть над нацией, каждая частичка которой не обрела еще зрелости, следует доверять самому знающему, тактичному и способному из рядов этой

нации» [5]. Эрдоган выразил те же мысли в более умеренном духе: «Можем ли мы быстро подняться над уровнем современной цивилизации? Мы должны думать об этом. Эта парламентско-президентская многоголовая система замедляет этот процесс...» [8]. В благоприятных условиях в Турции могла бы быть реализована демократическая альтернатива развития политической системы, в которой сторонники двух течений могли бы сформировать двухпартийную систему. Однако в условиях глобальной экономической неустойчивости и нарастания напряженности у границ Турции ее реализация представляется маловероятной.

---

1. *Баширова А. Г.* Исламский фактор в процессе интеграции Турции в Европейский союз // Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 303–312.

2. *Вертяев К. В.* Исламский фактор в политической жизни Турции // Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 81–88.

3. *Киреев Н. Г.* Новая глава в истории Турции: «мягкий ислам» у власти // Там же. М., 2004. С. 38–56.

4. *Корицкий А.* Турция: новый президент, новый парламент, новое правительство // Азия и Африка сегодня. 2007. № 11. С. 3–11.

5. О политике [Электронный ресурс]. URL: http:// www. fgulen.com/ru/fethullah-gulen-works-ru/ (дата обращения: 21.08.2015).

6. *Поцхверия Б. М.* Эволюция исламизма в республиканской Турции. Ислам на современном Востоке. М., 2004. С. 56–71.

7. Party Programme [Electronic resource]. URL: http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme / (accessed: 21.08.2015).

8. Turkish Radio and Television Corporation TRT [Electronic resource]. URL: http://www.tccb.gov.tr/en/interviews/1716/3190/turkish-radio-and-television-corporation-trt.html/ (accessed: 21.08.2015).

*Рукопись поступила в редакцию 13 октября 2015 г.*